

От джазовых миниатюр до имама Шамиля

«Африканский концерт» Мурада Кажлаева играл сам Дюк Эллингтон

Аркадий Петров

Род Кажлаевых связан с лакским селением Кумух. Предки композитора были ремесленниками. Отец Мурада Кажлаева Магомет окончил тифлисскую гимназию, потом Петербургскую военно-медицинскую академию. Был послан на Кавказ; боролся с малярией в Дагестане, служил военврачом в Александрополе. Наконец попал в Баку, где познакомился с молодой певицей Еленой Курдюковой, которая вскоре стала его женой. В 1931 году у них родился сын, названный Мурадом.

- Вы хорошо помните отца?
– Он был одним из самых популярных в Баку отоларингологов (его называли «буюк хаким» – «большой врач») и, кроме того, очень хорошо знал «вокальную» гортань. Многие артисты, прослышав об этом, стали приходить в наш дом для консультаций. Не только певцы, но и знаменитые актеры (Качалов, Книппер-Чехова), композиторы (классик азербайджанской музыки Узеир Гаджибеков), пианисты (Александр Цфасман, позже Святослав Рихтер), люди цирка – Эмиль Кио или дагестанские канатоходцы из групп Рабадана Абакарова и Яраги Гаджи-Курбанова. Мне повезло, что в нашем доме бывали такие артисты. Я с ними тоже общался, и это было сильнейшей школой жизни.

Мать была почему-то уверена, что я стану музыкантом, по

поводу чего мне было куплено пианино фирмы «Дидерихс». При Бакинской консерватории существовала «группа одаренных детей». Позанимавшись в ней, я потом легко выдержал экзамены в школу-десятилетку при консерватории.

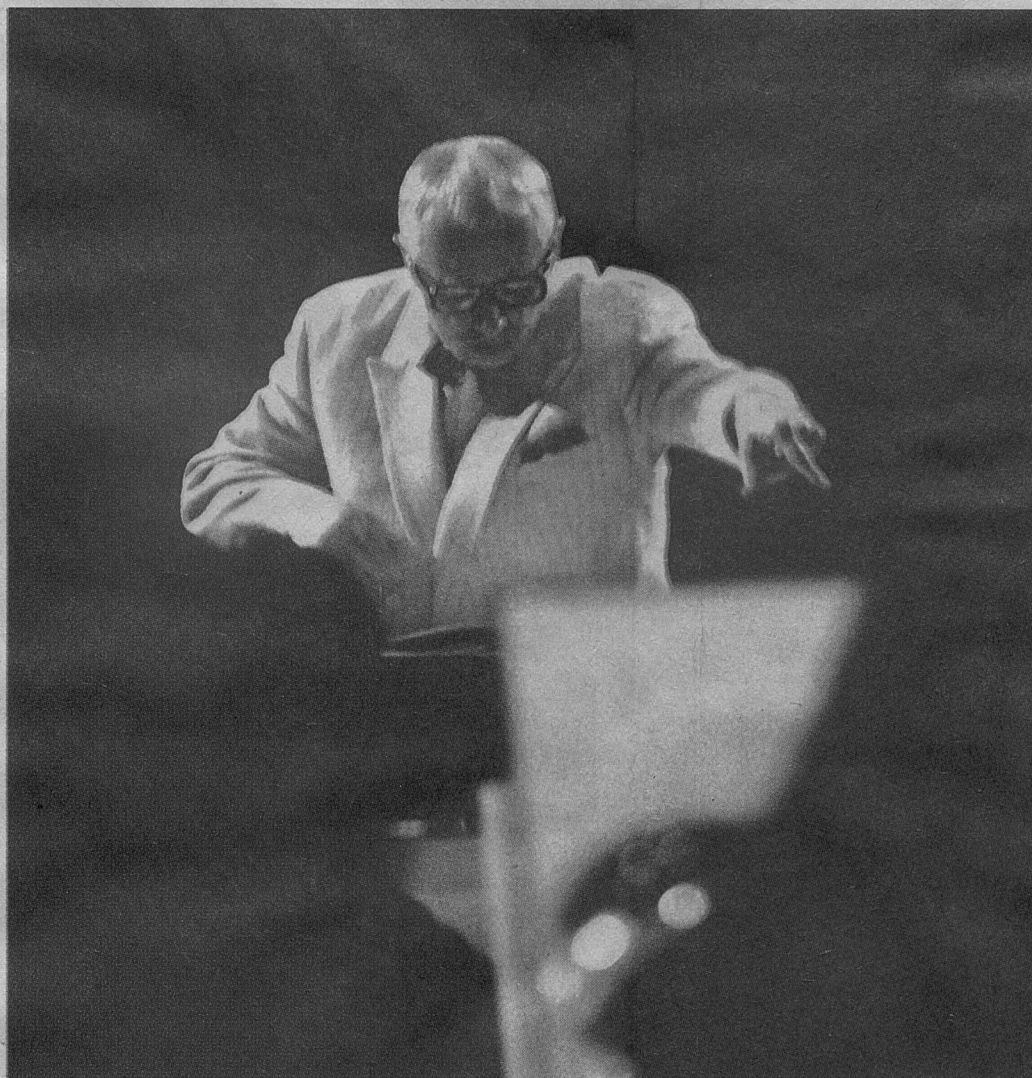
– А сочинять пробовали?

– Первые несложные пьески я написал для своего ансамбля, существовавшего в 40-е годы. Мне было тринадцать лет. Мы играли мелодии из популярных фильмов и выступали перед ранеными. В этот период Баку был как бы одним большим госпиталем – раненых с фронта везли именно сюда.

В 1949 году я поступил в консерваторию... А через год меня исключили! В приказе была формулировка – «за отсутствие серьезного мышления». На самом деле причина была в другом. Во-первых, я, как и многие другие молодые люди, модничал: отрастил «тарзаньи» волосы, носил туфли на толстой подошве, пестрые галстуки – в общем, был стилигой, хотя слова такого еще не существовало. Кроме того, оказался помешан на автодеке и поэтому мало занимался – из «трофейного» металлалома собрал «опель-кадет» и мотоцикл «триумф»... Ну, а вторая причина – в моей музыке нашли приметы запрещенного «формализма»: писал сложные многоэтажные аккорды! Через год, впрочем, смиловались и приняли.

– А знали ли вы в те годы дагестанскую музыку, фольклор?

– В начале 50-х годов в Баку приехал с гастролями Дагестанский ансамбль песни и пляски, которым руководил компози-

Мурад Кажлаев дирижирует Академическим большим концертным оркестром радио имени Юрия Силантьева.

Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

тор Готфрид Гасанов. Он был у нас в гостях; я сыграл ему свои сочинения («Романтическую сонатину», в которой ничего национального не было). Гасанов сказал моему отцу: «Мурад должен посвятить свою жизнь Дагестану! И должен наконец при-

ехать в республику!» Папа ответил: «Я бы тоже этого хотел...» И зимой 1952 года послал меня в Махачкалу. Я поехал по Дагестану, послушал народные мелодии, которые, как оказалось, заметно отличались от привычных мне азербайджанских напе-

вов. Потом приехал уже летом, еще раз исколесил весь Дагестан и побывал в нашем родовом ауле Кумух. Записал – карандашом в блокноте – много народных мелодий. Гасанов дал мне сборники фольклора и даже свои записи народных песен.

В 1955 году закончил консерваторию и поехал работать в Махачкалу. Создал джазовый вокальный ансамбль «Гуниб». Исполняли наряду с американскими «стандартами» мои джазовые миниатюры. Записал с «Гунибом» три пластинки – редкость по тем временам. Сочинял музыку для кино.

Мой «Африканский концерт» исполняли биг-бэнд Макса Грегера из ФРГ и... оркестр Дюка Эллингтона! Произошло это в 1967 году. Есть

Прошло несколько лет, этот эпизод подзабылся, как вдруг ночью – звонок от Олега Лундстрема: «Мурад, срочно включай радио, на волнах «Мьюзик Ю-Эс-Эй» звучит твой концерт, играет Эллингтон!»...

– 60-е годы – это еще и ваш балет «Горянка»...

– Он был поставлен в Мариинском (тогда Кировском) театре балетмейстером Олегом Виноградовым. Потрясающая постановка с участием звезд, большинство из которых вскоре

инициативность». Это была довольно сложная по языку музыка. Атональная. Работа с Громиным на этом не кончилась. Я написал в расчете именно на него цикл «Лирические новеллы» для импровизирующего гитариста и симфонического оркестра. Мы исполнили этот цикл раз тридцать – в Москве, Ленинграде, Ростове, Казани, Омске и других городах.

Джаз – моя любовь на всю жизнь.

Симфонические иллюстрации «Имам Шамиль» – это 1992 год. Работа возникла по прочтении хроник, историй и романов. Вообще, имам Шамиль – личность выдающаяся, романтическая, но до недавнего времени преподносившаяся только со знаком минус. Избранный мною жанр «иллюстраций» позволил широко показать природу Кавказа, быт горцев, их мечты и надежды, песни и танцы, эпизоды общения героя с соплеменниками, любимой женой, природой, молитвенное состояние верующего человека.

– Вот уже тринадцать лет возглавляете бывший Эстрадный, а ныне Академический большой концертный оркестр радио имени Юрия Силантьева...

– Юрий Васильевич ушел из жизни в 1983 году. И мне уже тогда предложили возглавить этот коллектив. Но я жил в Махачкале, у меня было много обязательств. Потом наступили трудные дни: коллектив оказался перед угрозой ликвидации. Теперь оркестр не только сохранен, но даже расширен. Два года велась борьба за то, чтобы коллектив носил имя Юрия Силантьева. Выиграли!

Имам Шамиль – личность выдающаяся, романтическая, но до недавнего времени преподносившаяся только со знаком минус

фото, где мы сняты вместе с Эллингтоном: в руках у него моя партитура, а подмышкой коробка с хорошим дагестанским коньяком (мой подарок!). Это было в 1964-м. Я тогда приехал в Америку. И привез с собой первый вариант концерта с тайной мыслью передать его именно Эллингтону. Идея почти бредовая; да и музыка была не эллингтоновская, ближе к Стену Кентону. Но мне повезло – мне организовали встречу с Дюком. Он просмотрел партитуру, прочитал название – «Африканский концерт» – и сказал: «О, Африка – это великая страна, оттуда мои корни!»

оказались в эмиграции – Барышников, Макарова, Панов... Кстати, все они захотели познакомиться с Дагестаном, увидеть наши горы, реки, долины, Каспийское море, встретиться с людьми... Я их возил в республику несколько раз.

– А я напому еще один проект того же времени: джаз и поэзия. Стихи Расула Гамзатова – и как бы их отзвук в волнах звучания камерного джаз-оркестра, ведущую роль в котором играли импровизации гитариста Николая Громина...

– Я написал две такие композиции. Одна называлась «Голова Хаджи-Мурата», а вторая – «Та-